

Рудакова И. В.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, истории и социологии,
Брянский государственный
инженерно-технологический университет
Гладченкова С. В.,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии, истории и социологии,
Брянский государственный
инженерно-технологический университет

Жизненные ценности советской интеллигенции 70-х годов

Статья посвящена реконструкции ценностей советской интеллигенции 70-х годов. Научная новизна работы заключается в самой цели исследования: ментальность советской интеллигенции 70-х годов исследуется впервые. В результате анализа дневников, социологической и статистической информации был выявлен следующий набор ценностей: труд, вещь, свобода, вера, борьба. Данные аксиологические концепты составляют сетку жизненных координат, которая сформировала и обособила советскую интеллигенцию как специфическую социальную группу. Итоги работы являются основой для дальнейшего исследования картины мира советской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция; жизненные ценности; СССР; модель поведения; советский человек.

Rudakova I. V.,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department chair of philosophy, history and sociology,
Bryansk State University of Engineering and Technology
Gladchenkova S. V.,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department chair of philosophy, history and sociology,
Bryansk State University of Engineering and Technology

Vital values of the Soviet intelligentsia of the 70s

The article is devoted to the reconstruction of the values of the Soviet intelligentsia of the 70s. The scientific novelty of the work lies in the very purpose of the study: the mentality of the Soviet intelligentsia of the 70s is being investigated for the first time. As a result of the analysis of diaries, sociological and statistical information, the following set of values was revealed: work, thing, freedom, faith, struggle. These axiological concepts constitute a grid of vital coordinates that formed

and isolated the Soviet intelligentsia as a specific social group. The results of the work are the basis for further research of the picture of the world of the Soviet intelligentsia.

Keywords: *intelligentsia; life values; USSR; behavior model; Soviet man.*

Актуальность исследуемой проблемы раскрывается в двух контекстах: современном и историческом. Во-первых, проблема ценностных ориентиров является злободневной и в настоящее время. После распада СССР аксиосфера постоянно претерпевает изменения. Отправной точкой анализа этих изменений могут служить жизненные ориентиры советской интеллигенции 70-х годов, потому что именно она являлась создателем ценностей и их транслятором для советского народа. Во-вторых, понять сущность советской интеллигенции без анализа ее ценностных установок невозможно, так как именно ценности являются основой мировоззрения, жизни, деятельности изо дня в день.

В нашей статье используется понятие «жизненные ценности», данное в статье П. Кондрашова. «Это положительно значимые для человека (но не обязательно для общества!) явления социальной и индивидуальной жизни, регулирующие повседневное поведение индивида и определяющие его жизненные цели и приемлемые способы их достижения, без реализации которых человек чувствует себя неполноценным существом, не испытывает ощущение полноты бытия и удовлетворения от своей собственной жизни» [Кондрашов, 2015:122].

Задачи исследования были поставлены, исходя из традиционной классификации ценностей:

во-первых, рассмотрение материальных ценностей советской интеллигенции;

во-вторых, анализ духовных ценностей советской интеллигенции;

в-третьих, раскрытие социальных ориентиров советской интеллигенции.

Теоретической и методологической базой послужили:

- работы аксиологов, раскрывающие сущность ценности как антропологического феномена [Гуревич, 2007; Максимов, 1997; Микешина, 2007; Риккерт, 1998] и др.;

- теория повседневности работ отечественных [Кондрашов, 2006] и зарубежных социологов, философов [Бергер, Лукман, 1995; Кунденко, 1999; Шютц, 1988].

Материальные ценности советской интеллигенции.

Одной из высших ценностей является трудовая деятельность. Показательны требования, предъявляемые интеллигенцией к работе, представленные как результат социологического пороса [Советский город, 1988:104]. На первых местах оказались требования морального удовлетворения от труда: общение с людьми, возможность им быть полезным, а также применение своих способностей. «До конца жизни останется неразрешимым это противоречие, недостижимым равновесие между суматошной, прилюдной жизнью, без которой мы не можем обойтись, потому что не можем обойтись без общения с друзьями, приятелями, коллегами, и тем уединением, тем затишьем, без которого нельзя

ничего написать» [Орлова, Копелев, 1990:108]. В общении с людьми интеллигенция видит одну из реализаций себя как личности, поэтому содержательность и разносторонность работы является немаловажным фактором для ее выбора. Еще одно требование – наличие самостоятельности, именно в ней видится непосредственное условие развитие личности, поэтому отдельный вопрос о возможности развития личности не был существенен и занял одно из последних мест.

Из одиннадцати предложенных требований материальное благополучие стоит на пятом месте, после него профессиональный рост. Причем эти два требования никак не взаимосвязаны между собой, так как оплата труда рассчитывалась не по качеству и количеству, а по должности. Если профессиональный рост не совпадает с продвижением по службе, то существенного увеличения заработной платы не будет, то есть для интеллигенции возможность должностного продвижения и материальное стимулирование являются, конечно, важными, но не доминирующими мотивами труда.

Вообще охарактеризовать отношение к материально-вещественным ценностям в среде интеллигенции однозначно очень сложно. С одной стороны, интеллигенция как наиболее духовно и нравственно развитая часть народа отличается бытовым аскетизмом. Эта особенность, свойственная классическому типу интеллигенции, активно культивировалась советской идеологией. Трансляция системы ценностей происходила посредством советской интеллигенции, поэтому она оказалась наиболее точно воспроизводящей эту нормативную модель. С другой стороны, в условиях тотального дефицита немалая часть времени отдается сфере потребления и приобретения вещей. Это наделяет вещи высокой ценностью, не столько в смысле стоимости, сколько большей значимости для человека, владеющего ею.

По ряду причин интеллигенция оказывается максимально чувствительной к этой ценности. Во-первых, большая покупательная способность (средняя заработная плата интеллигенции выше, чем у рабочих). Во-вторых, большая способность достать, близость к каналам распределения. Здесь в строго иерархизированном обществе выстраивается и иерархия вещей, которые хотят приобрести: автомобиль, мебель, холодильник, телевизор, пианино, книги. «Иво каждым днем ждет “Запорожца”, вернее, приглашения за ним приехать. В. Роднов – он сейчас уже не директор совхоза, а при ЦК работает в Ревизионной комиссии – подписал у нашего сокурсника по Тимирязевке, а нынче видного цекашника, секретаря по сельскому хозяйству области ... Саши, нужную бумажку для получения машины» [Филлипович, 2003:21-22].

После приобретения между человеком и вещью выстраиваются длительные отношения. Они определяются качеством вещи: «сделано в СССР». «Барахла разного тоже полны магазины, а ничего не купишь: обувь, как деревяшки, вся обуженная, а одежда вечно наперекосяк и дорого, а если и хорошо, то ведь столько наштампуют. И ходим, как обезьяны в одинаковом» [Филлипович, 2003:51]. Поэтому, купив вещь советского производства, как правило, ее или переделывали, или доделывали, то есть создавали уникальный

предмет, соответствующий индивидуальному запросу.

Создавая новое, привносили в него часть себя, то есть привносили в технический процесс элементы таинства. Так, вещь воспринимается не только как функциональный предмет, а как одухотворенный. Отсюда и отношение к ней было очень бережное. Вещи использовали и хранили длительное время, до тех пор, пока не придут в полную непригодность и невозможность перерождения в качестве предмета с другой функцией: «есть у нас в ванной старая побуревшая излохмаченная мочалка, все выкинуть собиралась (а новую купить). Яник ее сегодня вечером привязал к подбородку ... это не мочалка, это борода. Я – Фидель Кастро!» [Филлипович, 2003:80]. Такая вещь уже не товар, а скорее товарищ. Поэтому при достаточно высоком значении вещи в среде интеллигенции она не опосредует человеческие отношения, не замещает человека.

Итак, отношение интеллигенции к материально-вещественным ценностям характеризуется как соединение противоположных начал – бытового аскетизма и максимальной чувствительности к вещам. Под последним мы понимаем то, что интеллигент не становится рабом вещи, а скорее рабом желания ее купить.

Здесь выявляется еще одна особенность – спокойное отношение к деньгам. «Работает человек на износ. А для чего работает ... денег, как я понимаю, не нужно ему, человек он скромный ужасно...» [Филлипович, 2003:92]. А если деньги и есть, то обнаруживается большее желание тратить их, чем копить. «Приносят счета, он просматривает внимательно. В первый момент удивляюсь. Но сразу понимаю: мое удивление – это наше советское высокомерие нищих. Да он считает деньги, он знает, что такое быть бедным ... Он не позволяет себе швырять деньги и не одобряет этого в других» [Орлова, Копелев, 1990:154].

Духовные ценности советской интеллигенции.

Безусловно, такое восприятие денег и вообще всего материального взаимосвязано с интересами в духовной сфере, прежде всего, к свободе и вере. Этот период характеризуется повышенным вниманием к вопросам религии. По мнению Платонова, «роль церкви во второй половине 60-х – 70-е годы заметно увеличивается. Более частыми становятся случаи прихода в храм людей (особенно интеллигенции), выросших в атеистических семьях...» [Платонов, 1997:404].

В дневниках встречается много рассуждений на тему религии: «27 марта 1970 г. В доме В. (молодой философ). Долгий разговор о религии в России, о новом интересе к религиозной философии, о конформизме церковных верхов...» [Орлова, Коплев, 1990:168]. Хотя данный пример скорее исключение, чем правило. Религиозное сознание интеллигентов в этот период можно обозначить как едва проснувшееся, поэтому больше внимания уделялось обрядовой, материальной стороне. Она была толчком размышлений о религии. Совершаются поездки по монастырям, в это время открылось «золотое кольцо», отмечаются церковные праздники. «20 февраля. Мы с Аннемари и Генрихом у Солженицына. Блины. «Прощеное Воскресенье». За столом ... математик ... член-корреспондент АН». В дневниках встречается много церковной лексики, которая употребляется вместе с нейтральными словами: «тусклая вечеря»,

«хвойный куполок» и др. Развитие религиозных настроений связано с достаточно высокой степенью свободы советского интеллигента. И это, после хрущевской «оттепели», ясно осознавалось. «Все же, в какое светлое мы живем время, и анекдот можно, и посмеяться можно – и ничего...» [Филлипович, 2003:62]. При этом в 70-е годы вопрос о свободе остается острым и злободневным, однозначно не решаемым.

Осознавая ценность свободы, каждый понимает ее по-своему. Одним «приходилось долго пробиваться к простой мысли: свободу не получают ни в подарок, ни как трофей, а находят прежде всего в себе, в своей душе, воспитывают свободными себя, своих» [Орлова, Копелев, 1990:48]. У других вопрос о свободе был сведен к независимому передвижению в пространстве. У третьих наиболее распространенным являлось желание свободы слова и информации. Распространено мнение об отсутствии таковой у интеллигентов и наличие у номенклатурных работников. «У нас чересчур много свободы для произрастания разной дряни и в то же время так мало ее для того, чтобы эту дрянь вентилировать, прежде всего, наверху, где власть и денежки» [Филлипович, 2003:26].

Социальные ориентиры советской интеллигенции.

Одной из основных тем, волнующих интеллигенцию, была ценность власти. Это едва ли не самый главный вопрос, внутри которого пытались найти ответ не просто о назначении советского строя, каким он должен быть, а и возможности его воплощения в жизнь. Неизменно за этими обсуждаемыми проблемами стояла попытка понять смысл жизни, смысл человеческого бытия. Другими словами, говоря об идее социалистического общества, если не прямо, то косвенно, затрагивались мировоззренческие проблемы.

Во-первых, сразу же оговорим, что массового недовольства советским строем, отрицания самой его сути не было, но было очень много сомнений. Все чаще к 70-м годам у населения и, прежде всего в кругах интеллигенции, нарастало ощущение того, что жизнь устроена неправильно. После оттепели вера в прошлое была сильно поколеблена, трезво оценивались не только поступки И. Сталина, но и В. Ленина. Вот пример наиболее яркого рассуждения на эту тему: «...осознали, что не было никакого «золотого века большевизма», что «ленинские нормы» – это целеустремленная партийность, жестокая нетерпимость и отрицание всех общечеловеческих нравственных принципов, что именно ленинцы распахали и удобрили ту почву, из которой выросла сталинщина, воздвигали стены тюрем, в которых их же потом гноили...» [Орлова, Копелев, 1990:66]. Но при этом была уверенность в том, что всесторонний кризис возник не из-за самой идеи социалистического общества, а из-за неправильного построения государственного аппарата.

Поводов для таких выводов было более чем достаточно. Например, на информационном уровне все чаще замечалось несовпадение реальных фактов и официальной версии по их поводу: «в электричке все говорят, что в метро – катастрофа. Взрыв произошел, когда были в туннеле. А официально – пожар в дежурке и жертв нет» [Филлипович, 2003:34]. Больше всего переживали за несоответствие современной идеологии той высокой идее, которая была в начале

пути. Многие в это время считали, что не осталось никакой идеологии, а только «циничное охранительство и политиканство». То есть работала хорошо налаженная административная часть, с помощью которой «можно создать видимость порядка, единства, дисциплины. Но только видимость и только на короткое время» [Орлова, Копелев, 1990:208].

Эти наблюдения, факты постоянно увеличивали дистанцию между интеллигенцией и государственной властью. В первую очередь это проявилось в общественно-политической жизни. В целом доля времени, потраченного на общественно-политические дела в течение десятилетия у интеллигенции, по сравнению с другими социальными группами, падает. Этому способствовала плохая организация со стороны комсомольских и профсоюзных организаций: недостаточный контроль над выполнением заданий, неправильное распределение социально-политических поручений, не соответствующих желанию, интересам, опыту специалистов. Все чаще и чаще эти поручения назывались «для галочки» и соответствующим образом выполнялись.

Зато активно велись разговоры, обсуждения на тему диссидентов Сахарова и Солженицына, о Брежнев, о внешней политике СССР в коридорах учреждений, на улице, на кухнях. «В квартирах у столов, заваленных разнокалиберной посудой, за едой, которая чаще всего сводилась к водке с селедкой и винегретом, а потом к чаю с печеньем, происходили многочасовые роскошные пиршества мысли, создавались и оспаривались теории, ниспровергались старые авторитеты, утверждались новые» [Орлова, Копелев, 1990:20]. Таким образом, можно сказать, что сознание интеллигенции активно, а деятельность, кроме диссидентов, пассивна.

Так возникали сложные отношения интеллигента и власти. Мнение большинства – «у нас кто власть захватил, тот и барин, а остальные все – быдло» [Орлова, Копелев, 1990:18-19]. Поэтому следует уточнить, что сложность возникала в одностороннем порядке – только у индивида в виду его зависимости, власть же действовала по отработанным схемам, и если раньше они замаскировывались, то сейчас все предельно обнажено. Разрешение или не разрешение чего-либо давалось всегда сверху и, как правило, обжалованию не подлежало. Например, одним из заветных желаний не только интеллигента, но и любого рядового советского человека была поездка за границу. Она назначалась свыше через комиссию московского комитета. Пример из дневника Нагибина, который по советским меркам за границей был очень часто, обрисовывает типичную ситуацию того времени. «Все, что связано с зарубежными поездками, окружено такой непроницаемой тьмой, перед которой тайны мадридского двора – детская забава. Но я никогда не слышал, что бы кто-нибудь, даже в частной беседе, усомнился в справедливости этого обычая, напротив, все, в том числе и потерпевшие, делают значительные, понимающие лица, мол, это дела такой государственной важности, что не нам с нашим жалким умишком пытаться их постигнуть ... но уж коль вы присвоили себе право распоряжаться передвижением человека в пространстве, так сделайте это открыто, чтобы он мог в случае необходимости опровергнуть лживый донос, из-за которого вы ему отказываете в поездке. Но доносам верят безоговорочно, в особенности

анонимным» [Нагибин, 2005:345]. Общая обстановка привносила в сознание оттенки трагичности и страдания. «Нынешнее время отличается от недавнего лишь одним: отсутствием надежды ... и нет пространства впереди и не дожидаться перемен, да и будут ли они?» [Нагибин, 2005:345] Характерно, что в этот период наблюдается снижение средней продолжительности жизни, связанной с увеличением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в результате постоянного стресса.

Осознание этой видимости порядка пробуждало чувство протеста и желание борьбы. Можно уточнить, что велась не борьба, а скорее «игра-война» с государственной системой, и в первую очередь с персонификацией этой системы – номенклатурой, это «значительная часть аппарата неизлечимо развращена, выродилась в касту». Было много различных методов активного и скрытого противостояния. Примеров этому достаточно, и мы не будем их все перечислять. Остановимся на одном, как нам кажется, наиболее показательном примере с цензурой. Он демонстрирует борьбу, ведущуюся методами государства, с которым и боролись. А именно, когда форма выполнена строго по правилам, а содержание, внутренняя суть совершенно ей не соответствует, что и создает эффект видимости порядка. Мы имеем в виду наличие традиционных обязательных словосочетаний – «стандартных формул об ограниченности сознания буржуазных писателей, о спасительности марксистского мировоззрения и т.п.» [Орлова, Копелев, 1990:46], которые должны были служить пропусками для издания книг, явно не одобряемых цензурой.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

Советская интеллигенция к 70-м годам сохранила классическую тенденцию бытового аскетизма. Однако к этому периоду сформировалась важная тенденция, которая говорит о постепенном «одомашнивании», – максимальная чувствительность к качественным вещам формирует желание их приобретать. Гонка приобретений – характерная черта всего советского общества тотального дефицита – говорит о постепенной трансформации советской интеллигенции.

Показательной тенденцией формирования духовных ценностей является развитие религиозных настроений, связанное с ощущением собственной свободы. Здесь мы видим достаточно четкую дифференциацию этой социальной группы на свободных внутренне (духовная свобода) и внешне (ценность независимых пространственных передвижений).

Социальные ориентиры советской интеллигенции, безусловно, определены и материальными, и духовными ценностями. Традиционно самым главным вопросом остается вопрос выстраивания взаимоотношений с властью. Наблюдается недовольство социалистическим строем в достаточно широком диапазоне: от тотального неприятия до молчаливого несогласия. Однако важным фактором является удовлетворенность социалистической идеей и недовольство государственным аппаратом, который ее искажает. Это в итоге привело к военно-игровой деятельности с классом номенклатуры.

Список литературы

Бергер, Лукман, 1995 – *Бергер П. Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.,1995. 460 с.

Гуревич, 2007 – *Гуревич П. С.* Преображение ценностей как чрезвычайная ситуация. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 120 с.

Кондрашов, 2006 – *Кондрашов Т.Н.* Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации. // *Философия и общество.* 2006. №3. С. 90-116.

Кондрашов, 2015 – *Кондрашов П.Н.* Праксеологическое понимание жизненных ценностей // *Социум и власть.* 2015. № 6 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakseologicheskoe-ponimanie-zhiznennyh-tsennostey> (дата обращения: 11.01.2022).

Кунденко, 1999 – *Кунденко Я.Н.* Повсякденність як реалія культурної дійсності. Харьков,1999. 20 с.

Максимова, 1997 – *Максимов А.Н.* Философия ценностей. М.: Высшая школа, 1997. 174 с.

Микешина, 2007 – *Микешина Л.А.* Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007. 439 с.

Нагибин, 2005 – *Нагибин Ю.* Дневник. М.,2005. 702 с.

Орлова, Копелев, 1990 – *Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве: 1956-1980. М.,1990. 445 с.

Платонов, 1997 – *Платонов О.* «Терновый венец России: История русского народа в XX веке. Т.2. М.: "Родник", 1997. 1040 с.

Риккерт, 1998 – *Риккерт Г.* Философия истории // *Науки о природе и науки о культуре.* М.: Республика, 1998. С. 129-204.

Советский город, 1988 – *Советский город: социальная структура.* М.,1988. – 286 с.

Филлипович, 2003 – *Филлипович Э.Г.* От советской пионерки до челнока пенсионерки. М., 2003. 584 с.

Шютц,1988 – *Шютц А.* Структура повседневного мышления // *Социологические исследования.* 1988. № 2. С. 129-137.

References

Berger, Lukman, 1995 – *Berger P. Lukman T.* Social`noe konstruirovaniye real`nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.,1995. 460 s.

Gurevich,2007 – *Gurevich P. S.* Preobrazheniye cennostej kak chrezvy`chajnaya situaciya. M.: Moskovskij psixologo-social`ny`j institut, 2007. 120 s.

Kondrashov, 2006 – *Kondrashov T.N.* Marksistskaya teoriya povsednevnosti: popy`tka predvaritel`noj e`ksplikacii. // *Filosofiya i obshhestvo.* 2006. №3. S. 90-116.

Kondrashov, 2015 – *Kondrashov P.N.* Prakseologicheskoye ponimaniye zhiznenny`x cennostej // *Socium i vlast`.* 2015. №6 (56). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prakseologicheskoe-ponimanie-zhiznennyh-tsennostey> (data obrashheniya: 11.01.2022).

Kundenko, 1999 – *Kundenko Ya.N.* Povsyakdennist` yak realiya kul`turnoi dijsnosti. Har`kov,1999. 20 s.

- Maksimova, 1997 – *Maksimov A. N.* Filosofiya cennostej. M.: Vy`sshaya shkola, 1997. 174 s.
- Mikeshina, 2007 – *Mikeshina L. A.* E`pistemologiya cennostej. M.: ROSSPE`N, 2007. 439 s.
- Nagibin, 2005 – *Nagibin Yu.* Dnevnik. M.,2005. 702 s.
- Orlova, Kopelev, 1990 – *Orlova R., Kopelev L.* My` zhili v Moskve: 1956-1980. M.,1990. 445 s.
- Platonov, 1997 – *Platonov O.* «Ternovy`j venecz Rossii: Istoriya russkogo naroda v XX veke. T.2.- M.: "Rodnik", 1997. - 1040 s.
- Rikkert, 1998 – *Rikkert G.* Filosofiya istorii // Nauki o prirode i nauki o kul`ture. M.: Respublika, 1998. S. 129-204.
- Sovetskij gorod, 1988 – *Sovetskij gorod: social`naya struktura.* M.,1988. 286 s.
- Fillipovich, 2003 – *Fillipovich E`.G.* Ot sovetskoj pionerki do chelnoka pensionerki. M., 2003. 584 s.
- Shyutcz,1988 – *Shyutcz A.* Struktura povsednevnogo my`shleniya // Sociologicheskie issledovaniya. 1988. № 2. S. 129-137.